

СЕРГЕЙ ГОРЯЙНОВ

М Е Ж Д У

ВЫХОД ЕСТЬ.
НЕ ДЛЯ ВСЕХ.

КНИГА

— II —

Сергей Горяйнов

Между

<https://litres.ru/74520599>

SelfPub; 2026

Аннотация

Некоторые имена изменены.

Некоторые события лучше было бы изменить.

Олег и Сергей оказываются в месте, где настоящее вырастает из прошлого.

А прошлое, как выяснилось, не считает себя прошлым.

Знакомые лица вспоминают чужие жизни. Исчезнувшие находят способ вернуться. А совпадения ведут себя так, будто у них есть собственные планы.

Здесь наследуют чужие долги и отвечают за решения, которых не принимали.

Какую версию себя уже выбрали за вас?

Сергей Горяйнов

Между

Пролог.

Пол — гуру, что надо. Объясняет быстро, доходчиво и без объяснений.

Воздух исчез.

Грудь сжало резко, без предупреждения.

Я лежал, хватая ртом пустоту, будто дышать теперь нужно было по новым правилам, о которых забыли сообщить.

Свет начал уходить — не гаснуть, а проваливаться внутрь себя.

Я попытался вдохнуть.

Не получилось.

Где-то рядом щелкнуло.

— Пора.

Мир перестал меня учитывать.

Я падал вниз — без надежды, что падение закончится.

Было ощущение, будто кто-то листает меня — страницу за страницей, не находя нужной.

Мимо проносились лица — без права задержаться.

Кто-то отводил взгляд, кто-то улыбался.

Иные кричали — но звук не догонял.

Щелкнуло еще раз.

Передо мной кто-то стоял.

Лица я не видел. Только руки.

Тонкие пальцы перелистывали бумаги.

Одна страница.

Вторая.

Потом голос:

— Здесь ошибка.

Глава I. Доброволец

Пентхаус возвышался над городом, как дозорная башня над ночным морем огней.

С террасы открывался вид на автомобильные реки в бетонных берегах, башни, подпирающие небо, и окна — порталы в чужие жизни.

Внутри геометрия переставала соблюдать договоренности.

За дверью начинался зал, слишком огромный для здания, в котором он находился. Стены терялись в полумраке так далеко, будто пространство здесь расширяли по отдельному разрешению.

Если стены вообще существовали.

Внутри всё выглядело так, будто суета давно перестала сюда заходить.

Окна тонули в тяжелых шторах.

Воздух пах сандалом, древними книгами и вещами, пережившими своих владельцев.

Рыжие отблески огня в камине скользили по стенам, резным креслам и столику с инкрустированной шахматной доской.

Старинные часы шли назад. Без спешки.

Со стены смотрела посмертная маска.

Хозяин не любил вспоминать, как один московский писатель понял слишком много — и оставил от рукописи только пепел.

Он ушел. Но маска осталась.

Толстая книга на столе переворачивала страницу — проверяя каждую.

В глубине зала, в старинном кресле, сидел джентльмен.

Белый воротник отделял его от тьмы так резко, словно свет здесь был только гостем.

Он сидел так неподвижно, что статуя Ананси рядом выглядела курьером.

Перед ним стояла женщина в строгом, темном жакете. Руки сцеплены за спиной.

Он продолжал выяснять детали заинтересовавшего его происхождения:

— Сама явилась? Без Харона?

— И без вызова, — отозвалась она.

— Отбить чужую душу... редкая форма принципиальности.

— Она считает ее своей... — поправила Госпожа С.

— Забавно. Приведите.

Щелчок пальцев.

Тень у ног Мастера отделилась от пола.

Дождалась остальных — и только тогда сорвалась вместе с ними.

На миг исчезли.

И вытолкнули вперед женщину.

Невысокую, изможденную, почти нагую.

Она сжалась в комок, пытаясь прикрыться.

Тени держали ее осторожно — как хрупкую улику.

В чертах ее еще теплился бледный след красоты, как память, которую не успели удалить.

Мастер смотрел на нее чуть пристальнее обычного.

— Любопытно.

Вы боялись темноты. С шести лет.

Женщина вздрогнула.

Он смотрел не на нее.

Он сверял.

— Еще вчера вы входили в список "рекомендовано к вниманию".

А сегодня... почти пепел.

Быстро.

Он чуть наклонился.

— Интересно, *кто* решил, что вас можно так не беречь.

Взгляд скользнул к Госпоже С.

— Скажите честно: не вы ли устроили ее болезнь?

— Люди удивительно талантливы в вопросах самоуничтожения, — ответила Госпожа С. — Иногда их приходится сдерживать. Иногда — просто не мешать.

Мастер взглянул внимательнее.

После нее иногда выяснялось, что всё было *не совсем* так.

— Вы всегда были последовательны.

Мне хотелось бы сохранить это впечатление.

Госпожа С на миг забыла, как держать спину.

— Что вы, — выдавила она. Губы дрогнули в подобии улыбки — точь-в-точь как у человека, внезапно вспомнившего о давней коммунальной задолженности.

— Подопечная иссохла сама.

Потеряла опору, оторвалась от единственного близкого.

Тоска по Родине.

Классика.

— Сама, — повторил Мастер.

Любопытства в голосе не прибавилось.

— Хандрила, скулила ночами, просто с ума сходила, Патрон... — донеслось из-под тяжелой шторы.

— Таяла на глазах, — подхватила вторая тень. — Металась... Мечты достигла, а вместо мечты — пшик. Жила обрывками прошлого.

— Римма, — медленно повторил хозяин пентхауса. — Наслышан.

Он посмотрел на женщину.

— Вы понимаете, где оказались?

— Догадываюсь, — ответила гостья тихо.

Она огляделась — не находя границы между залом и тем, что смотрело из-за него.

— Я... мертва?

— Что вы. *Пока* нет.

Ваша история заинтересовала меня ровно настолько, что я решил

вмешаться лично.

Немногие предлагают жизнь добровольно. Не зная правил игры.

Он рассматривал ее придирчиво — как еще не оформленную судьбу, которую можно разобрать по деталям.

— Удобно ли вам *так* разглядывать женщину? — устало спросила Римма. — Неприлично.

Он поднялся.

Его тень накрыла гостью.

— Вполне.

Я — дома.

Вы — на приеме.

Неприличие обычно заканчивается раньше жизни.

— Не припомню, чтобы меня приглашали, — парировала Римма. — Но хорошо помню, как меня сорвали с постели — голую — и притащили в этот... дорогой склеп с камином.

Не слишком заботясь о моем согласии.

— Мы не спрашиваем.

Мы фиксируем.

И закрываем.

Вы не в том положении, чтобы выдвигать условия. Или хотите, чтобы ваш рот аккуратно зашили?

Пауза.

— Шутка. Почти.

— Иногда положение меняется быстрее, чем вы его фиксируете, — ответила Римма.

Мастер посмотрел на нее чуть дольше, чем позволяла иерархия.

— Ожидайте решения. И... не раскачивайте то, что и так висит на волоске.

Он взглянул на перстень. Камень едва заметно сверкнул.

— Впрочем... здесь иногда дают время.

Редко.

Обычно на этом месте просят.

— Обычно — да, — она не отвела взгляд. — Я — не умею.

Госпожа С сцепила пальцы.

— Протокол есть протокол, — она выжидательно взглянула в глаза хозяину пентхауса. — Но... Ее душе можно было бы найти... полезное применение.

— Например.

— У нас как раз открыта позиция помощницы.

Мастер едва заметно усмехнулся.

— Кадры — вечная проблема бессмертных. И живых, кстати.

Надеюсь, ваш интерес к этой душе лежит исключительно в служебной сфере. Мы оба знаем: ваше внимание обычно оставляет после себя лишь тишину.

Он перевел взгляд на Римму:

— А у нашей гостьи впереди...

Неопределенное будущее.

Обремененное прошлым.

Большая редкость — человек, который кладет на стол свою жизнь, не выяснив даже, есть ли игра и предусмотрены ли в ней правила.

Вопрос в другом: исчезнут ли ее обременения.

Или *исчезнет тот, кто их носит*.

— Ваше досье у нас есть с того дня, как вы впервые решили, что мир вам должен.

Откуда вы?

— Из города V. Там, где рождается новый день, — ответила Римма, не меняя выражения лица. — После школы — Москва. Даль-

ше вам

известно.

— Город V... — Мастер кивнул. — Русский Вавилон на краю земли. Туда добирались только отчаянные.

Авантюристы, беглецы, ловцы шанса.

Приезжали за удачей.

Оставались, потому что отступать не умели.

Он откинулся в кресле.

— Что же... картина проступила.

Вы совсем не испуганы, — сказал он. — Это либо кровь предков... либо уже нечего терять.

Скажите, что вы ищете.

Римма смотрела в огонь, будто перелистывала в нем собственную биографию — страница за страницей, пока они тлели.

— Ничего. Все, что было нужно, я уже нашла. И утратила.

— Потери — самая надежная валюта бытия.

Но вы ошибаетесь: не всё потеряно. У вас еще осталось... что поставить на кон.

Он посмотрел на нее с интересом игрока, внезапно увидевшего на столе незаявленную ставку.

— Вы готовы платить? Сейчас?

Цена будет не символической.

Римма усмехнулась.

— У меня есть выбор?

— Выбор есть всегда. Просто не всем нравится тот, кто

его принимает.

Он задержал взгляд на ее лице дольше, чем позволяла обычная вежливость.

— Признаюсь, я ожидал, что вы моложе.

Впрочем, это вопрос технический. Могу предложить... альтернативу.

Есть средство.

Женщины ради него продают то, что осталось в отражении.

И остальное.

Возвращает молодость.

Не навсегда.

Но весьма убедительно.

В воздухе возник столик черного дерева. На нем — тонкая коробочка.

Мастер коснулся крышки.

Но передумал.

— Свобода плохо переносит подарки.

Голос Мастера стал бархатным, как хорошо выдержанный яд.

— Позвольте предложить нечто более... родственное вашей природе.

Он подался вперед.

— Обожаю игры, после которых что-нибудь исчезает.

Они придают вечности какой-то вкус.

Проиграете — получите идеальную тишину.

Выиграете...

Он улыбнулся. Почти по-человечески.

— Что ж. Иногда и вечности становится любопытно.

— И вы, Патрон? — Римма прищурилась. — Всегда так красиво упаковываете приговоры?

Вы всё время предлагаете жизнь, будто у вас их целый склад.

А каждое ваше слово звучит так, будто после него либо повышают... либо хоронят.

— А вы полагаете, что между этими событиями есть существенная разница?

— Вы всегда говорите так, когда решаете чужую судьбу?

Мастер не моргнул.

Но в комнате что-то изменилось.

Будто что-то древнее открыло глаза.

— Иногда молчу. Это приводит к тяжелым последствиям.

— Смотрите-ка, еще одна мученица. Орлеанская дева — переиздание, — протянула Госпожа С — Готова на костер ради принципов.

— Кто? — переспросил Мастер.

— Жанна д'Арк.

— Милое дитя, — голос Мастера стал тих и ровен, как ход часов.

— Я служу так долго, что вашу эпоху можно измерить между двумя вздохами.

Стоит мне произнести слово — и вы вернетесь в постель, доживать остаток своей жизни.

Я не наказываю.

И не спасаю.

Я отмечаю миг, когда человек перестает быть случайно-стью и становится записью.

Он умолк.

— Вы даже не спросили, каков выигрыш.

— Будем играть? — прервала его Римма. — Или так и будете пугать гражданку — не накрашенную, голую, без предъявления обвинения?

— Как пожелаете, — сказал Мастер.

Ничто сгустилось в четкий контур — на его ладони появился темный флакон.

— Плацебо судьбы — самое честное лекарство.

Подумайте. Даже здесь результат не гарантирован.

На этикетке мерцало: *Воздаяние*.

— Не будет она думать, — еле слышно прошептала Госпожа С. — Не ее почерк.

— Хватит, — оборвала Римма. — Это вы мне предлагаете?

Цианистый калий? Давайте уже.

— Кто сегодня предлагает цианид?

Пальцы Госпожи С скользнули по матовому стеклу.

Звук вышел тихим.

Так иногда закрывают крышку рояля после похорон.

— Перед вами средство, после которого человеческие проблемы теряют актуальность.

Врачи любят:

"Внезапно".

— Не тревожьтесь, — добавила она. — Всё будет выглядеть вполне естественно.

Без судорог. Без хрипа.

Мир даже не успеет удивиться.

— Но прежде, чем сделать выбор... — сказал Мастер, глядя Римме в глаза. — Учтите: ваш избранник вас *не найдет* в последующих инкарнациях.

Их не будет.

И еще... прошлое редко уходит бесследно.

Оно обладает неприятной привычкой возвращаться в самый неподходящий момент.

— Бесплатные советы обходятся слишком дорого, — отрезала Римма.

— Прошное лечат вином.

Будущее — обещаниями.

Ни то, ни другое не работает.

Умирать нужно вовремя.

Она на миг замерла.

— Значит... без отсрочек.

Крышка слетела.

Она выдохнула — и выпила.

Хлопок — не громче перегоревшей лампочки.

Исчезла.

По полу, звеня, покатился пустой флакон.

— Про выигрыш она так и не спросила, — тихо сказала
Госпожа С.

— Ей было всё равно, — ответил Мастер.

Мужество чаще выбирает саморазрушение, а не жизнь.

Королевская кровь... редко расходуется по назначению.

И почти всегда — слишком поздно.

Он прикрыл глаза.

Мир продолжился.

Без нее.

Глава II. Докури, пока дают

Бывают ночи, которые не принадлежат календарю.

Их не узнают по часам.

Их узнают по тому, как очертания начинают терять форму.

Тропический остров терялся в океане старательно, будто когда-то снимал угол у цивилизации и вовремя съехал.

Вокруг — вода, вода и еще раз вода: бескрайний аргумент, что иногда полезно быть пустым.

До ближайших материков — несколько часов летного оп-

тимизма или вечность вплавь.

Карты уверяют, что всё просчитано.

Течения улыбаются и молчат.

На берегу нет стен и светофоров — этих надзирателей прогресса.

Никто не регулирует шаг.

Никто не обещает за поворотом новый поворот.

Кусты, приглаженные ветром с педантичностью чиновника от фэншуя,

выглядели так, будто оформляют выход.

Дорожки петляли под ногами, указывая направления.

Раз — и снова вода.

Остров оказался гостеприимным: вход был.

Выход — нет.

Север — свой.

Общепринятый его не интересовал.

Луна проступала в темноте осторожно, как память достает полузабытые имена — медленно, опасаясь узнавания.

Сначала — пятно, потом намек на лицо.

Свет не падал — оседал на земле.

Тени не удлинялись — накапливались.

Лучше бы всё осталось намеком.

Ночные птицы перекликались в темноте: то плакали, как дети, то хохотали, как безумцы.

У потрескивающего костра — последней сигареты ночи, сидели двое. Они говорили приглушенно, будто рядом спало что-то чужое.

О том, зачем приходят.

Зачем уходят.

И что остается между.

Слова растворялись быстрее, чем догорали угли.

Но некоторые фразы просто ждут момента, чтобы вернуться.

Ночь слушала.

Слишком внимательно для обычной темноты.

Сергей воткнул палку в угли.

Искры осветили верхушки пальм.

Зеленоватый отблеск мелькнул в его глазах, тени заплясали на скулах.

Он помнил, кем проснулся утром, но кем проснется завтра — и представить не мог.

Где-то в темноте возник треск.

Сначала звук. Потом — причина.

— Ты замечал, — сказал Олег, оглядываясь, — что всё важное происходит без предупреждения?

— Предупреждения бывают. Просто мы их называем совпадениями. Чтобы не пришлось что-то менять.

Ветер стих.

Они не заметили, когда в разговоре появился кто-то третий.

В тени ели нечто делало вид, что его нет.

Слишком старательно.

Дым обошел пустоту стороной.

Сергей смотрел сквозь абсент на пламя.

Мир ненадолго становился менее обязательным.

— Офуительно. Пузырьки появляются. Сталкиваются, на секунду принимают себя за любовь, карьеру или борьбу за жизнь — и лопаются.

А потом кто-то называет это судьбой.

Смех вырвался.

— Всю жизнь крутишься: мелькаешь, блестишь, изображаешь смыслы. Почти веришь в этот глянец.

А потом — щелк — и рубильник выключен.

И ты уже не на сцене, а в пустоте. Ни аплодисментов, ни свиста — даже гардеробщик не выходит.

Живешь, строишь планы, а твоя последняя фраза уже произнесена.

И адресат — не любимая, а таксист.

Самое горькое — главные слова остаются внутри. Как последняя спичка в коробке.

Угли рассыпались, будто кто-то выдохнул.

В самой гуще темноты будто возник намек на изгиб.

Намерение принять форму.

И сразу отказ от него.

Что-то внимательно рассматривало пузырьки в бокале — эту мимолетную вселенную, рождающуюся и гаснущую в одном глотке.

— Пузырьки... — пронеслось в их сознании. — Как вы.

Возникают на мгновение и принимают его за жизнь.

— Так она что, в эскорте работала? — Сергей ухватился за бытовую версию, как за спасительный круг.

Он заглянул в глаза Олега — вчера голубые, теперь выжженные, как старое стекло.

— И навсегда ушла?

— Навсегда, — отрубил Бабушка.

Он смотрел на звезды — эти прорехи в темноте, через которые просачивается что-то старше света.

— Я мог с ней слушать дождь.

Смотреть, как капля оставляет след на стекле — и этого хватало.

Он прикурил. Не с первой попытки.

— Римма стала воздухом. А воздухом заново не дышат.
Глубоко затянулся.

— После ее ухода я выгорел.

Как костер, на который смотрят со стороны, но не тушат.
Все уходят.

А ты остаешься.

Тлеть.

Сию с Риммой.

Обсуждаем, как жить дальше.

Она отвечает спокойно. Улыбается.

Оборачиваюсь — никого.

Только пустота.

Сергей молчал.

— Стоял манекеном в витрине существования.

Снаружи всё прилично.

Изнутри — давно никого не было.

Все по инерции. Жить — не для кого.

И тогда тень за их спинами изменилась.

Не шевельнулась — сгустилась.

— Господа, только не этот вечный репертуар...

Метания, поиски смысла, драмы.

Душа. Страдание. Справедливость.

Полный комплект самоедства.

А ведь можно было устроиться и получше.

Основать культ. Объявить себя просветленными.

Шампанское утром, мишура вечером, похмелье как смысл бытия.

И вечность перестала бы казаться такой уж длинной.

Щелчок пальцев прозвучал неожиданно.

Песок ударил в лица резко, колко.

Сергей зажмурился.

— Отлично, — пробормотал он. — Либо мы пьяны глубже, чем думали, либо с нами кто-то играет.

Между ними на мгновение проступила граница — не линия, а ощущение, что пространство перестало быть одинаковым для всех.

За деревьями коротко сверкнуло.

Олег медленно опустилсЯ ближе к огню.

— Дурак...

Уголек сорвался с сигареты и погас в песке.

— Нырнул в колодец с гирями собственных иллюзий.

И удивился, что не всплыл.

Сергей убрал бутылки в кулер.

— Судьбу почти всегда портят из лучших побуждений.

Олег кивнул.

— Когда девочка моя ушла, я долго в себе копался.

В чем-то она оказалась мудрее, хотя вчера еще школу заканчивала. Хотел одного — проснуться однажды и обнаружить, что стены наконец перестали притворяться окнами.

— У всех один путь. Только выходы разные.

Одни послушно следуют расписанию.

Другие уверены, что пересели на другой маршрут.
Третьи пытаются обогнать, требуя остановить состав.
Пункт назначения всегда совпадает.

Вопрос лишь в том, сколько времени человеку удастся называть путь выбором.

Олег не обернулся.

Всё та же тень, что шепчет из угла.

Без имени, без времени и без лица.

— Иногда нужно позволить поезду сменить маршрут, — ответил Сергей пустоте.

— Конечная станция одна. А багаж у всех разный. Большинство уходит почти пустыми.

— Багаж... — Сергей усмехнулся, всё еще не замечая, что разговаривает не с другом. — И в чем же его измеряют?

Его сознание держалось за здравый смысл с упрямством пассажира, убеждающего себя, что турбулентность — просто ветер.

Он машинально полез в карман за телефоном.

Словно тот мог объяснить происходящее.

БабУшка, не поворачивая головы, ответил:

— В том, что удалось удержать.

Он наконец посмотрел в глубину теней.

Сначала — не фигура, лишь намек.

Образ не сразу собирался в форму.

Будто вспоминал себя по частям.
Потом пришло узнавание.
Запоздалое.
Женщина.
Из его снов.

В ее руках покоилось нечто похожее на блокнот...

Слишком тяжелое для бумаги.
Как будто в нем хранилось больше, чем запись.
Лицо ускользало от взгляда.

Не пряталось.

Просто память отказывалась удерживать его дольше
нескольких секунд.

На мгновение в чертах проступило что-то итальянское,
чуть печальное.

Но уже через секунду во взгляде вспыхнули цыганские искры.

А затем проявилось нечто более древнее.
Не красота.
Порода.

Как у династий, исчезнувших раньше истории и всё же сумевших пережить ее.

Неизменными оставались только глаза. Они не смотрели — знали.

Улыбка возникла не на губах — глубже.

— Кто ты?.. — выдохнул Олег.

— Ты знаешь — кто.

Три слова — и мир перестал притворяться временным.

— И знаешь откуда. Просто надеялся, что я останусь в теории.

Голос не звучал.

Он проходил *сквозь*.

Кожа вспомнила его раньше слуха.

— Ты здесь, или не здесь?

Остатки полена осели и распались на багровые угли.

— Да, здесь. Как всегда.

Но здесь я не вся.

Холод прошелся под ребрами — тонкий, точный, как прикосновение, не предназначенное для живых.

— Помнишь студентку?

Я была там.

В Аргунском ущелье.

В офисе Аверы.

В четыреста шестом кабинете.

БабУшка молчал.

— Ты всё помнишь. Просто не привык смотреть в мою

сторону.

Олег медленно скомкал сигарету, пепел осыпался на пепелок.

— Человеку всегда кажется, что он мог поступить иначе,
— сказала она.

В голосе не было ни упрека, ни жалости.

— Твое дело несколько раз закрыли. Но ты всякий раз оказывался по ту сторону уже принятого решения.

Сколько можно бродить по собственным пепелищам?

Олег молчал.

— Всё приходит. И уходит. В срок.

Без стука и без свидетелей.

Она повела рукой — коротко, окончательно.

— Докуривай, БабУшка. Вечеринка закончилась.

И тогда из-под кресла протянулось что-то едва различимое.

Не тень.

Не дым.

Касание было почти нежным.

Окурок выпал из пальцев Олега.

Холод пошел по жилам, дыхание сбилось.

Воздух стал плотнее. Ветер стих.

Остров перестал держать форму.

Олег медленно поднял взгляд.

И понял: мечта о Гавайях никогда не принадлежала им.

Их сюда привели.

Всё произошло.

Они просто опоздали это заметить.

Глава III. Спотыкаясь о свои тени

— Оле-е-е-г! — знакомый хрип тянул его обратно, туда, где тело еще числилось живым, а сознание уже не спешило возвращаться.

— Спать стоя ты уже умеешь.

Осталось перестать просыпаться внутри чужих снов.

Зову... а в ответ ветер: "Он здесь — и не здесь. Он там — и не там".

Сергей разглядывал друга внимательно — так смотрят не на человека, а на сбой.

— Снижай дозу, а то станешь декорацией раньше, чем закончится сцена.

Алкоголь украшает мир. И оставляет его без тебя.

Он похлопал Олега по плечу:

— Смотри на меня. Если видишь меня — уже неплохо. Если видишь еще кого-нибудь, не знакомь. Нам трети не нужны.

БабУшку вырвало.

Сердце билось. Слишком быстро.

Он задышался — не от боли, а от присутствия.

Он застрял *между*.

В голове звенел женский голос.

Обернулся.

На берегу только пальмы и тусклый свет, еще не решив-

ший, становится ли утром.

Сергей не давал ему провалиться — упрямо тащил его обратно.

— Так вы больше... никогда не встречались?

Он возвращал всё в рамки реальности — туда, где чудо ставят в очередь под порядковым номером.

— Не встре-ча-лись, — БабУшка запнулся.

Сергей всматривался в него — искал человека, который исчез.

— Отпусти, — тихо сказал он. — Когда это было?

Олег осел, пальцы ушли в песок глубже, чем нужно — будто проверял, удержит ли его что-то здесь.

— Для меня — вчера. Римма пропала. И вместе с ней исчезло все, ради чего имело смысл просыпаться.

Он посмотрел на воду.

— Не умерла.

Переоформили.

Штаты. Вегас. Брак.

Всё.

На горизонте проступил багровый шов — небо стягивали наспех.

— Она растворилась в другом мире.

Я — в водке, в колесах.

Версия жизни — Post-Rimma.

Бросить бы пить... да незачем. Стирание — вопрос времени.

Дни не шли — копировались.

Ночи не кончались.

Сон приходил, но ничего не выключал.

Только подтверждал: ждать больше некого.

Вспоминал — аккуратно. Пока не начинало мутить.

Одно слово — и всё пошло не туда.

Не успел.

Не на встречу — на нас.

Только книги делали вид, что текст еще можно переписать.

Олег пожал плечами.

— Однажды шел из библиотеки умиротворенный — почти Будда на пенсии.

И вдруг — визг шин.

Черный седан вылетел к остановке, как к окошку выдачи зарплаты.

Из него вывалились бородатые — один в галстук, другой в красных кроссовках, третий — чернее всех.

Без суеты схватили девчонку — до боли похожую на Римму.

Удар — и в салон.

Спокойно.

Привычно.

Дверь захлопнулась.

Всё.

Никто не закричал.

Никто не вмешался.

Я запомнил только движение.

Хруст.

Три тела на асфальте.

Девчонка очнулась, всхлипнула и исчезла за углом.

А я — остался.

Всю ночь смотрел на Римму.

Смотрел не на снимок — в собственную пустоту.

Пил.

Пока не упал.

Пол — гуру, что надо. Объясняет быстро, доходчиво и без слов.

Грудь сжало. Резко.

Я лежал, хватая ртом пустоту, будто дышать теперь нужно было иначе.

Поздно.

Свет начал проваливаться — не гаснуть, а складываться внутрь.

Римма на фото улыбалась.

Там мы еще были людьми.

Не последствиями собственных решений.

В конце всем нужна чья-то рука.

А у меня — никого.
Снимок упал.

Стекло треснуло.

Глава IV. Чистовик

Я падал вниз.

Без надежды, что всё закончится ударом о дно.

Мимо проносились лица.

Ни одно не задерживалось.

Кто-то отворачивался.

Кто-то улыбался.

Кто-то кричал — но голос не успевал за ним.

Холод поднимался снизу волнами, резал изнутри.

Мир переставал меня учитывать.

И в этой пустоте она не появилась.

Просто стала видимой.

Госпожа Смерть.

Не костлявая, не старая.

Ухоженная.

Юбка-карандаш, жакет цвета воронова крыла.

Даже у финала оказался дресс-код.

Она наклонилась ближе.

Пахнуло холодом, архивной пылью и покоем.

Не угроза.

Итог.

Что-то внутри отзывалось, но имени не было.

Ни лица. Ни прошлого.

Только странное чувство, будто я уже однажды стоял рядом с этой женщиной — и забыл не ее, а самого себя.

— Не бойся. Я — финальная редакция твоей биографии.

Ладонь легла на грудь.

Невесомо.

Окончательно.

— Все, что ты называл жизнью, было черновиком.

Под ребром сжалось.

И остановилось.

Она ждала — спокойно, как проводник, сверяющий списки.

— Ну что, солдатик...

Чистовик?

Подо мной скрипнуло.

Не пол.

Время.

— Не солдат... — прохрипел я. — Военспец.

И не бегал.

Боялся — да. Знал: ты рядом.

А потом... стал ждать. Искал.

— Искал, звал.

Лестно.

Обычно от меня бегут до последнего.

А ты... шел навстречу.

Здоровый. И нудный.

Странно...

Ты уже мой.

Но что-то держит.

Она замолчала.

И тогда по тьме пошли трещины.

Где-то далеко проступил свет — тонкий, нервный, как пометка на полях дела, уже сданного в архив.

Стук электрички.

Запах сирени.

Щель в заборе.

Майский вечер, которому не сообщили, что он давно закончился.

Сквозь трещину — голос.

Теплый. Живой.

Не воспоминание. Нерв.

Тьма посерела.

Госпожа С медленно подняла взгляд.

Кто.

Вмешался.

В процедуру.

Я рванулся — тем, что отказывалось исчезать.
Падение продолжалось.

Но уже вверх.
— Странно, — повторила она.

Подъем был похож на всплытие с глубины, где сил осталось на одно движение.

Страх и надежда утратили разницу.
Стало светлее.

Меня держало не прошлое.
Удерживало то, что однажды стало тобой.
Лицо.

Почти касание.
— Наконец-то... — выдохнул я. — Мне снилось, что ты исчезла.

Лас-Вегас. Другая фамилия. Чужая жизнь.

Слова рассыпались — за ее спиной уже ждал финал в элгантном костюме.

— Ты... прощаться?

Силуэт дрожал — как отражение, которое больше не обязано совпадать.

Но голос остался.

— Держись, малыш... — сбивчиво. — Ты всегда спасал, кого не должен.

Теперь не мешай тому, кто умеет делать это правильно.
Она развернулась.

И сделала шаг туда, где решения окончательны.

— Отпусти его.

— Как я его отпущу, сестра?

Он давно вышел за пределы правил. И здравого смысла.

Она открыла блокнот.

— Аргунское ущелье.

Взрыв.

Лист перевернулся сам.

— Нападение на сотрудника Следственного комитета. Нападавший ликвидирован.

Еще лист.

— Передозировка. Сегодня.

Палец задержался на строке.

Обложка закрылась тише, чем должна была.

— Субъект не умер.

Он исчерпал варианты существования.

Она аккуратно смахнула невидимую пыль.

— Как игрок, поставивший на все. И обнаруживший, что ставки принимались в другой игре.

Пора.

Она отстранилась.

Пространство не изменилось — оно перестало быть местом.

Падение оказалось не вниз.

В какой-то момент исчезло само направление.

Обрывки лиц и дат закрутились в воронку.

— Не переживай за него, сестренка, — бросила Госпожа С через плечо. — Место ему уже подготовили.

Она обернулась.

— Ведь ты всё это время пыталась вычеркнуть его и жить дальше.

А он искал тебя.

В каждом лице. В каждом голосе.

Уж я-то знаю.

Глаза Риммы потемнели.

Силуэт ее стал призрачным — будто ему перекрыли допуск.

И сквозь размывание оставалось одно: плотный стук сердца.

— Он — мой...

И это не было просьбой.

— С той встречи у бассейна.

Тогда... заberi меня.

Вместо него.

— Департамент не производит замену.

Римма молчала. И не исчезала.

— Смерть — не очередь, в которой можно уступить место.

Ты не понимаешь, что предлагаешь.

— Понимаю.

— Нет. Пока мы разговариваем, ты всё еще думаешь, что речь идет о смерти.

Госпожа С подняла блокнот.

— Смерть оставляет завершенное дело. Тебе предлагают *другое*.

Страницы открылись сами.

Пустые.

— Каждый хранит в себе жизнь, которую так и не прожил.

Твоя останется там.

— Где?

— В *Нигде*.

Римма побледнела, но взгляда не отвела.

— Меня устраивает.

— Не спеши.

В голосе Госпожи С проступила служебная настороженность.

— Из смерти иногда возвращаются. Из Нигде возвращаться некуда.

Подумай еще раз. Ты же *не это* имела в виду.

Римма приблизилась и встала рядом.

— *Это*. Его жизнь — в обмен на мою.

Слова вышли.

Как изменение строки в уже подписанном документе.

Госпожа С посмотрела на Римму внимательнее.

— Он за тебя жизнь ставил?

— За меня. За других. За тех, кого не знал.

— И ты решила вернуть долг?

— Нет. Я решила не оставлять его одного.

— Не играй с этим, девочка. Здесь слова исполняются.

— И что? Если бы ваш приход был финалом, мы бы сейчас не разговаривали.

Стало заметно, что она держится из последних сил.

— Знаете... Я столько ошибок наделала...

Стыдных.

Хочу хотя бы один раз не сбежать.

Госпожа С на мгновение замолчала.

— Это сейчас упрек был?

— Мне ли вас упрекать?

Римма сбилась и оглянулась — будто только сейчас поняла, где оказалась.

— Услышьте меня. Оставьте его.

— О, будь уверена — тебя слышали.

На лице Госпожи С мелькнула тень сочувствия.

— А ты уверена, что он того стоит? Этот добросовестный алкоголик с разбитым сердцем.

Вечный пациент духовной скорой.

Посмотрим еще раз. По всем пунктам.

Страницы зашелестели.

Проверяли не события.

Срок годности человека.

Блокнот закрылся.

Щелчок прозвучал как выстрел за спиной.

— Видишь, солдатик... судьба любит делать вид, что выбор есть.

У тебя все-таки оказалась чья-то рука в тот самый момент.

Но будь спокоен: когда придет твой час, я буду рядом.

Она повернулась к Римме и постучала пальцем по пустой странице.

— Последняя возможность.

— Нет.

— Тогда повтори.

Без него. Без прошлого. Без надежды, что он когда-нибудь узнает.

Римма закрыла глаза.

Сумрак ждал.

— *Моя жизнь. Вместо него.*

Страница дрогнула.

И начала заполняться.

Помехи.

Римма пошла рябью.

— Всё же... в архиве зияет дыра.

Где-то мы пересекались... вне протокола.

Голос Госпожи С оборвался.

Глава V. Второй шанс

Вчерашний человек больше не проснулся.

Олег очнулся на рассвете.

Холодный пол под щекой.

За окном город делал вид, что всё идет по плану.

По ту сторону требовали соблюдать гигиену: памятники, книги, вчерашних братьев — в топку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.